

ЧЕХОВСКИЕ РЕЦЕПЦИИ В КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ СТРУКТУРАХ ПРОЗЫ АЛЕКСАНДРА ИЛИЧЕВСКОГО

О. В. Арязмова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 июня 2014 г.

Аннотация: композиционно-речевые структуры художественных текстов Чехова и Иличевского демонстрируют черты сходства и различия. Это проявляется как в традиционном композиционном построении типов речи – описании, повествовании и рассуждении, так и посредством воплощения отдельных мотивов и образов. В романах Иличевского, как и в романах Чехова, активно используются приемы интроспекции и персонализации, и в каждой композиционно-речевой структуре доминирующим становится сам процесс художественной рецепции.

Ключевые слова: текст, речевые формы, композиционно-речевые структуры, интроспекция речевых форм, художественная рецепция.

Abstract: composition speech structures of the texts by Chekhov and Ilichevsky demonstrate the similarities and differences. This is reflected in the traditional composition of types of speech – description, narrative and discourse, through the incarnation of individual motives and images. In the novels of Ilichevsky, as in the novels of Chekhov, actively used methods of introspection and personalization, and in each composition speech structures becomes dominant process artistic reception.

Key words: text, speech forms, composition of speech structures, introspection of the composition speech structures, artistic reception.

Известно, что чеховскому повествованию присущи тонкие, трудноуловимые переходы от репрезентации к интроспекции: внешний репрезентативный модус соединяется с внутренним интроспективным, при этом план нейтрального повествователя, информация о факте смыкается с планом персонажа, его восприятием и оценкой. Зрительная перспектива персонажа представлена наравне с «мысленным» восприятием и смыкается с его внутренним состоянием. Аналогичные композиционно-речевые построения, в которых доминирует точка зрения главного героя, типичны и для прозы А. В. Иличевского – писателя так называемой «новейшей формации». Сравним два текстовых фрагмента:

А. П. Чехов «Мужики»:

«Стоя на краю обрыва, Ольга подолгу смотрела на разлив, на солнце, на светлую, точно помолодевшую церковь, и слезы текли у нее и дыхание захватывало оттого, что страстно хотелось уйти куда-нибудь, куда глаза глядят, хоть на край света <...>Ах, скорее бы уйти!» [Чехов IX: 310-311].

А. В. Иличевский «Математик»:

«Пока тянул коньяк, не шевелился, косился на профиль жены, матери двух его детей, мальчика и девочки. Когда он смотрел на нее спящую, ему иногда казалось, что видит ее впервые или подзабыл

и теперь вынужден преодолевать настороженность — словно надо привыкнуть к новой, пришитой руке, — смешанное чувство приобретения и придирчивости к обнове» [Иличевский 2011: 5-6].

Оба приведенных выше текстовых фрагмента, взятых из прозы А. П. Чехова и А. В. Иличевского, построены таким образом, что в основу их создания положен синтаксический концепт «субъект испытывает состояние», обобщенную структурную схему которого можно представить в виде «кому есть каково» [3, 93]. В рамках ССЦ художественного текста этот синтаксический концепт организован следующим образом: собственно восприятие субъекта речи (визуальный план) переходит в эмоционально-психологическую реакцию на это восприятие. Оба фрагмента свидетельствуют о том, что в рамках ССЦ синтаксический концепт «субъект испытывает состояние» состоит из двух «семантических сфер» художественной рецепции — пространственно-визуальной, репрезентирующей объективную действительность, и психологической (рефлексивной), передающей чувства или размышления по поводу изображаемых событий.

Известно, что психология художественного восприятия (рецепции) зеркальна по отношению к психологии художественного творчества. В данных текстовых фрагментах части (парцеллы) синтаксического концепта «субъект испытывает состояние»

оформлены таким образом, что в пределах ССЦ последовательно воспроизводится процесс художественной рецепции, которая со стороны субъекта определяется поступательным движением от «окружения» к «кругозору», «от бытийного к рефлексивному уровню сознания» [4, 99]. Таким образом, концепт «субъект испытывает состояние» складывается из двух взаимосвязанных парцелл — парцеллы «бытие объекта», которая репрезентирует бытийный уровень восприятия, и парцеллы «пациент претерпевает состояние», которая передаёт рефлексивный уровень сознания.

Несмотря на общность структурной организации синтаксического концепта «субъект испытывает состояние» — пространственный модус + ментальный модус, в анализируемых текстовых фрагментах наблюдается и их существенное отличие. В чеховском рассказе «Мужики» эксплицируется конкретное желание субъекта речи: «...страстно хотелось уйти куда-нибудь, куда глаза глядят, хоть на край света <...> Ах, скорее бы уйти!». В то время как в примере из романа А. В. Иличевского «Математик» ментальный модус субъекта речи (пациенса) существенно расширен за счет образного сравнения: «словно надо привыкнуть к новой, пришитой руке, — смешанное чувство приобретения и придиричивости к обнове» и семантически осложняется посредством гипотетической (ирреальной) модальности: «ему казалось». Таким образом, между текстами А. П. Чехова и А. В. Иличевского возникает семантическая «перекличка», которая основывается на общности структурной схемы репрезентируемого синтаксического концепта: «пациент обобщенно претерпевает состояние *«кому есть каково»*, при этом реализующее различное смысловое содержание.

В произведениях А.П. Чехова и А. В. Иличевского посредством смыслового «развёртывания» синтаксического концепта «бытие признака объекта», основная структурная схема которого *«кто/что есть какой»* [3, 43], создаются типичные портретные описания, в которых бытийные и признаковые характеристики объекта соединяются с «внутренним», ментальным модусом персонажа. В приведенных ниже примерах видно, что с точки зрения художественного восприятия синтаксический концепт «бытие признака объекта» воплощается аналогично синтаксическому концепту «субъект испытывает состояние»: бытийно-признаковый модус существенно осложняется посредством ментального модуса субъекта речи.

А. П. Чехов «В овраге»:

«...Его жена Аксинья, красивая, стройная женщина, ходившая в праздники в шляпке и с зонтиком, рано вставала, поздно ложилась и весь день бегала, подобрав свои юбки и гремя ключами, то в амбар, то в погреб, то в лавку, и старик Цыбукин глядел на неё

весело, глаза у него загорались, и в это время он жалел, что на ней женат не старший сын, а младший, глухой, который, очевидно, мало смыслил в женской красоте» [Чехов X: 145].

А. В. Иличевский «Математик»:

«Женился он еще в Стэнфорде, куда Нина была отряжена отцом обучаться экономике. Рослая, с прямыми бровями, отвесной спиной, очень светская и в то же время задушевная, с первых секунд увлекавшая нового собеседника, она заставляла любоваться собой. Максим, вечно испытывавший затруднения в общении, часто неспособный набрать телефонный номер незнакомого человека, завидовал ей и исподволь надеялся, что она станет для него окошком в мир; в самом деле — близость Нины снимала с его плеч напряжение перед окружающим» [Иличевский 2011: 21].

А. В. Иличевский, подобно А. П. Чехову, в одной композиционно-речевой структуре мастерски сплетает два голоса и два сознания, — авторское и персонажное, тем самым позволяя в тексте произведения отразиться как собственному субъективному и предельно эмоциональному авторскому взгляду, так и сознанию своего героя. Сходства композиционной организации имеют и те описания, в которых внешнее описание персонажа плавно сменяются его внутренней эмоционально-психологической оценкой:

А. П. Чехов «Невеста»:

«Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался рассвет. Где-то далеко стучал сторож. Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала думать. А мысли были всё те же, что и в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое» [Чехов X: 145].

А. В. Иличевский «Математик»:

«... И они снова километр за километром ползли по гребню Великой китайской стены, взрезавшей дымчатую бездну степи, полную пепельно-солнечного ливня; струйки туристов брели по драконьему её хребту, изгибавшемуся от башни к башне к горизонту. Нина наслаждалась простором и снова отрывалась от мужа. Она устала за последние четыре года — остужать в себе раздражение и нелюбовь к мужу вспышками гордости за него, сознанием того, что он отец ее детей. Заняв пожизненный пост в одном из крупнейших мировых исследовательских центров, Максим предался пьянству и экспериментам с психоделическими веществами. Выпивал он и раньше,

но работа помогала укреплению воли, и Нина каждый раз успокаивала себя тем, что ему в самом деле необходимо расслабиться после нескольких месяцев мощного спурта» [Иличевский 2011: 18].

В художественном мире А. П. Чехова доминирует не внешняя событийная динамика, а *внутреннее действие* — значимой становится смена умонастроений героя. Аналогично художественному мышлению А. П. Чехова, проза А. В. Иличевского, как правило, также направлена на воспроизведение внутреннего состояния персонажа. При этом репрезентированный, изображенный мир передаётся в виде саморефлексии, которая приходит как бы изнутри личного опыта, тем самым, усиливая характер персональной (внутренней) фокализации. В этом случае в пределах ССЦ, как правило взаимодействуют оба синтаксических концепта — «субъект испытывает состояние» и «бытие признака объекта»:

А. П. Чехов «Новая дача»

«Они пошли дальше, а он всё шел позади них, желая сказать им что-то ласковое и убедительное... И видя, что оба они заняты своими мыслями и своим горем и не замечают его, он остановился и, заслоня глаза от солнца, смотрел им вслед долго, пока они не скрылись в своём лесу [Чехов X: 124].

А. В. Иличевский «Математик»

«В аэропорту он поцеловал жену у стойки регистрации и отправился в duty-free. Он чувствовал, что Нина смотрит ему вслед — жгло под лопаткой. Но не оглянулся» [Иличевский 2011: 21].

В художественных текстах А. П. Чехова такие функционально-смысловые типы речи, как собственно описание, так и описание с элементами повествования, оформляются посредством различных композиционно-речевых структур. С этой целью, например, активно используются внутренние монологи, несобственно-прямая речь, собственно «персонажное» слово, включенное в свободный косвенный дискурс, которые становятся напрямую обусловленными «внутренним», ментальным модулем субъекта речи. В результате обнаруживается резкий сдвиг в сферу сознания персонажа и усили-

вается эффект непосредственного контакта читателя с изображаемым миром.

А. В. Иличевский, развивая синтаксис прозы позднего А. П. Чехова, существенно его осложняет посредством рефлексивной персонализации. Как правило, это происходит с помощью расширения «зоны действия» так называемого «несобственно-авторского дискурса», при этом наблюдается значительное ослабление или даже полное отсутствие опосредующей нарративной инстанции: изображение художественного мира передаётся через конкретное воспринимающее сознание, а в организуемой композиционно-речевой структуре центральным становится сам процесс субъективированного восприятия.

Так называемый «голос» самого А. П. Чехова, несмотря на используемый приём авторского отстранения, как правило, всегда слышится в речи его персонажей. В то же время «голос» А. В. Иличевского обычно занимает лишь позицию внешнего наблюдателя, который оказывается за кадром всех речевых инстанций. А. В. Иличевский, в соответствии с принципами «новой прозы «нолевых», не стремится обозначить своё отношение к изображаемому и персонажам. Именно в этом, по сути дела, и заключается его художественная «переключка» с А. П. Чеховым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. Сочинения в 18 тт / А. П. Чехов. – М., 1983–1988.
2. Иличевский А. В. Математик: роман / Александр Иличевский. – М. : АСТ: Астрель, 2011. – 315 с.
3. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009. – 209 с.
4. Стернин И. А. Об образном и рефлексивном сознании Язык. – Сознание – Культура. – Социум: / И. А. Стернин // Сб. докладов и сообщений Междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова. – Саратов : ИЦ «Наука», 2008. – С. 99–104.
5. Иличевский А. В. Перс: роман / Александр Иличевский. – М. : АСТ: Астрель, 2010. – 636 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Арзамова О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: arzyamovuyu@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Arzyamova O. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department

E-mail: arzyamovuyu@yandex.ru